
Догнать прошлое, вернуть будущее *Фёдор Лукьянов* 5

ЛАНДШАФТ: ВИД СВЕРХУ

Быстро текущий момент 8

Природу изменений в современном мире еще только предстоит осознать – трудно избавиться от инерции мышления после холодной войны и соблазна найти параллели в истории. Мы обратились к ученым и интеллектуалам из разных стран с просьбой кратко оценить характер перемен.

СОВСЕМ НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Как завершается эпоха Просвещения *Генри Киссинджер* 46

Просвещение началось с философских размышлений, которые распространялись с помощью новой технологии. Мы движемся по противоположному пути. Разработана потенциально доминирующая технология Искусственного Интеллекта, которая нуждается в направляющей философии. Но разработкой таковой никто даже не занимается.

Большой сдвиг *Уолтер Рассел Мид* 54

Понятия «промышленная революция» и «информационная революция» стали настолько избитыми, что за ними стирается масштаб перемен. А они меняют общество глубже, чем революции политические. От семьи до государства, от корпораций до учебных заведений, от алтаря до престола, от гендера до финансов – ни один из институтов не избежит потрясений.

Как трава сквозь асфальт *Игорь Иванов* 70

Новые технологии чаще всего воспринимаются сегодня через призму порождаемых ими угроз и вызовов, а не с точки зрения создаваемых возможностей. Нарастает ностальгия по ушедшему в прошлое понятному и предсказуемому миру XX века.

ПОСЛЕ ГЛОБАЛЬНОГО

Пост-американская глобализация мировой экономики в эпоху Трампа *Адам Позен* 80

США слишком доминировали в некоторых сферах мировой экономической дискуссии и не хотели позволить другим странам помогать им в определении актуальной повестки дня. Но гораздо хуже неяркого лидера тот, кто вообще отказывается от своей роли или даже активно работает над подрывом ценностей системы.

«Трампономика»: первые результаты *Александр Лосев* 97

Глобализация «по-американски» достигла естественных пределов, и основными бенефициарами мирового развития становятся Китай и Азия в целом. Мир, где растёт неомеркантилизм, протекционизм, регионализация, отходит на сто лет назад, к чему-то похожему на ситуацию перед Первой мировой войной.

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ И ОБРАТНО

Тридцатилетняя война – вечная война *Герфрид Мюнклер* 118

Эра Вестфальского миропорядка прошла. Но связанная с ее окончанием надежда на то, что и война исчезнет, так как больше не является допустимым инструментом политики, была ошибочной. Столкновения, которые мы наблюдаем сегодня в Сирии, Йемене или Ливии, выглядят возвращением к Тридцатилетней войне.

О «мире от изнеможения» *Паскаль Додэн* 128

Тридцатилетняя война – один из самых ранних из зафиксированных в истории примеров продолжительного конфликта, к которому неприменима обычная модель сражение-перемирие. Она сходна с осадными войнами сегодня, когда стороны пытаются измотать друг друга, но ни у одной нет ресурсов для решительной победы.

«Две войны» Запада и Россия *Тимофей Бордачёв* 137

Отношения России с Западом не имеют шансов на улучшение в обозримой перспективе. Это снимает проблему неопределенности намерений – наиболее важный методологический вопрос в теории международных отношений. Намерения в отношении России, Китая или Ирана понятны, что создает небывалую определенность в мировой политике.

Время экспериментов	<i>Майкл Кофман</i>	154
---------------------	---------------------	-----

Отсутствие войны между главными игроками компенсируется многочисленными проявлениями острой конкуренции. Это политические нападки, подрывные действия, кибератаки, информационное противостояние, равно как разрушительные опосредованные столкновения и кампании сопротивления.

КАК ВСЕ УСТРОЕНО

Миф о либеральном порядке	<i>Грэм Эллисон</i>	174
---------------------------	---------------------	-----

Как говорил Джон Кеннеди, достаточно поддерживать мировой порядок относительно «безопасным для многообразия» как либеральных, так и нелиберальных режимов. США предстоит адаптироваться к ситуации, когда у других стран противоположные взгляды на госуправление, и они стремятся установить свои порядки на основе собственных правил.

Возникновение нелиберальной гегемонии	<i>Барри Позен</i>	185
---------------------------------------	--------------------	-----

Хотя администрация Трампа отказалась от многих столпов либерального интернационализма, ее курс в сфере безопасности остается последовательно гегемонистским. Окажется ли нелиберальная гегемония более или менее устойчивой, чем ее либеральная кузина – вопрос открытый.

Ложная альтернатива	<i>Александр Крамаренко, Пётр Стегний</i>	197
---------------------	---	-----

В принципиальном плане международное положение США разрушилось в 1989-1991 гг. в рамках, как уже очевидно, общей с Советским Союзом «геополитической катастрофы». Теперь оно разрушается де-факто – на уровне практической политики.

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Неконструктивная двойственность	<i>Иван Сафранчук</i>	210
---------------------------------	-----------------------	-----

Многие склонны представлять существующие отношения с западными странами как «новую нормальность» или даже как исторически естественные. Но отношения сейчас не такие, каких желали Россия и Запад. Они вообще не результат целенаправленной деятельности, а итог того, что не получилось с каждой стороны.

Почему Россия не обречена на одиночество	<i>Го Сяоли</i>	220
--	-----------------	-----

Дискуссия о путях развития России продолжается уже двести лет. Принадлежит ли культура России Западу? Или новому Западу? Или Востоку? Или новому Востоку? Или Евразии? Большой Евразии? К какому культурному типу ее ни отнести, Россия не может быть «одиноким» игроком на международной арене.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

АШУРБЕЙЛИ И.Р.
АО «Социум-А»

ИСАЙКИН А.И.
ГК «Волга-Днепр»

ЮНУСОВ Р.Р.
Российский квантовый центр

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКОЕ АГЕНТСТВО
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИИ
РИА НОВОСТИ

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ
ПАРТНЕРСТВО
«РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ»

Издается
Фондом исследований
мировой политики
Россия, 119017, Москва
ул. Малая Ордынка, д. 17, офис 204

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № ФС77-52915
от 20 февраля 2013 г.

Адрес редакции:
Россия, 119017, Москва
ул. Малая Ордынка, д. 17, оф. 204
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Дата выхода в свет:
20.07.2018

Отпечатано
в ООО «Типография Гарт»

105082, г. Москва, Малая почтовая, 12
заказ на рус. № 4 – 000.

Тираж – 1140 экз.

Цена свободная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. – *председатель*

АВДЕЕВ А.А.
(в личном качестве)

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОСАЧЕВ К.И.
(в личном качестве)

КОМИССАР М.В.

КРАСТЕВ Иван
(Болгария)

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОКУЛОВ В.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РАДД Кевин
(Австралия)

РОУЗ Гидеон

РЫЖКОВ В.А.

СЛУЦКИЙ Л.Э.
(в личном качестве)

СЮН Гуанкай

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

УШАКОВ Ю.В.
(в личном качестве)

ХАКАМАДА И.М.

ЭЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

КРАВЕЦ С.Л.

ЛАНЬКОВ А.Н.

ЛОМАНОВ А.В.

МИЛЛЕР А.И.

СЛЁЗКИН Ю.Л.

ФИЛИППОВ А.Ф.

Журнал издается при финансовой поддержке
Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям

Главный редактор Ф.А. Лукьянов
Заместитель главного редактора:
Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александра Кобзева

Редактор
Александр Соловьев

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Ассистент главного редактора
Евгения Прокопчук

Верстка
Наталья Заблочките

Обложка
Вадим Мисюк

Корректура
Ольга Канунникова

Интернет-редактор
Владимир Шабалин
v.shabalin@itrend.ru

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Редактор
Александр Захаров

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (495) 937-7611
or@globalaffairs.ru

Подписка в России и СНГ

по каталогу «Роспечать», индексы: 46708, 46709, 46710

© «Россия в глобальной политике», 2018

Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией редакции.

Из прошлого в будущее и обратно

Альбрехт фон Валленштейн. Выдающийся полководец Тридцатилетней войны. Герцог Фридландский и Мекленбургский. Идеолог подхода к войне как к бизнесу

“ Эра Вестфальского миропорядка миновала. Но не оправдалась надежда, связанная с ее окончанием: война, мол, исчезнет, так как больше не является инструментом политики, допустимым согласно международному праву. Войны, которые мы наблюдаем сегодня, во многом выглядят возвращением к Тридцатилетней войне. ”

Тридцатилетняя война – вечная война

Ее уроки актуальны и сегодня

Герфрид Мюнклер

Тридцатилетняя война поблекла в коллективной памяти немецкого народа. Это легко объяснимо. Во-первых, после ее окончания прошло уже четыре столетия, и следы, которые она оставила, давно загладило время. Во-вторых, по масштабу разрушений, изгнаний и жертв среди мирного населения Вторая мировая война не уступала Тридцатилетней и поэтому смогла «заглушить» воспоминания о ней. Речь, конечно, идет не столько о личных или семейных воспоминаниях, сколько о памяти, которая сформирована исторической политикой, подпитываемой уроками прошлого. Урок Второй мировой, по крайней мере в Германии, гласит, что немецкая земля никогда больше не станет источником военной агрессии. И если сегодня какой-нибудь публицист желает привлечь больше внимания к своим предупреждениям, он напоминает о Второй мировой или говорит о надвигающейся Третьей мировой войне.

В XIX и даже еще в начале XX века подобным образом расценивалась и Тридцатилетняя война, только выводы из ее опыта делали совершенно другие. Так, первый урок гласил: сделать все, чтобы такая война никогда больше не велась на немецкой земле. Второй урок вытекал из первого: конфессиональные споры должны регу-

---

Герфрид Мюнклер – профессор политологии в Берлинском университете имени Гумбольдта и автор многочисленных книг по истории Германии. Его последняя по времени книга – «Тридцатилетняя война. Европейская катастрофа, немецкая травма 1618–1648» (Издательство *Rowolt Berlin*, октябрь 2017 г.). Статья была напечатана в газете *Die Zeit* и публикуется на русском языке с любезного разрешения автора.

лироваться так, чтобы в междоусобной борьбе ни протестанты, ни католики не были вынуждены обращаться за поддержкой к иностранным державам. Фактически Вестфальский мир, согласованный в Мюнстере и Оснабрюке, положил конец религиозному противостоянию в государстве. Войны, которые впоследствии велись на немецкой земле, в основном касались власти и политических интересов, но не вопросов вероисповедания.

На основании всего этого историки XIX века, симпатизировавшие Пруссии, пришли к выводу, что в политической структуре Западной и Центральной Европы Германия должна стать военным оплотом для того, чтобы предотвратить межгосударственные конфликты в геополитической сердцевине Старого Света. Под влиянием Наполеоновских войн воспоминания о Тридцатилетней войне обрели новый смысл и обострили запрос на объединение Германии под эгидой Пруссии. Этот урок, извлеченный из войны, предопределил будущие военные конфликты.

Изучение Тридцатилетней войны так познавательно именно потому, что на ее примере хорошо видно: из «уроков истории» (так звучит старая формула политической риторики) не всегда извлекается то, что затем оказывается целесообразным и правильным. Во всяком случае, проект сильного в военном отношении центра, мотивированный осмыслением Тридцатилетней войны, в долгосрочной перспективе вверг Германию и Европу в катастрофу. И если конфессиональное умиротворение, обеспеченное Вестфальским механизмом, положительно повлияло на обстановку в государстве, тема «сильного центра» явно обусловила рост агрессивности с вытекающими последствиями. Опыт познания Тридцатилетней войны в Германии в высшей степени амбивалентен. Выявление этой двойственности есть задача политической и исторической науки в ее диспуте с внушениями политики исторической памяти, которая управляет «уроками истории».

Может быть, пора оставить историю в покое и озаботиться поиском другого советника для ответов на современные вопросы? Тогда историческая память заняла бы подобающее ей музейное место, превратившись, наконец, из упражнения жанра политпросвета в тему для разговора о высших материях. Впрочем, такое пробовали делать не раз, но всегда с более чем переменным

успехом. Возвращение к истории в качестве политического ориентира происходит снова и снова, особенно во времена кризисов: Великая депрессия, период, предшествующий Первой мировой войне, успокоение западных демократий в отношении гитлеровской угрозы, холодная война – очевидно, мы не можем разобраться в дебрях политики без консультации с историей. Речь идет не о том, чтобы отказаться от такого способа «перестраховки», а о том, чтобы повысить качество его применения.

Особенно это относится к Тридцатилетней войне. Сложности исторической категоризации начинаются с ключевого вопроса, о чем она была на самом деле: об отстаивании прав сословий перед лицом суверена, которое было в центре внимания во время богемского восстания? Или о позиционировании и признании конфессий, что подстрекало к войне кальвинистов и католиков, в то время как лютеране скорее воздерживались, поскольку их полностью устраивал статус-кво Аугсбургского религиозного мира? Или же на кону стояло перераспределение сил между европейскими государствами, открытые притязания которых, прежде всего Испании и Франции, но также и Нидерландов, Дании и Швеции, позволили им вмешаться в войну?

Долгое время исследования и связанные с ними споры исходили из того, что одна из причин войны должна рассматриваться как решающая. Между тем в основном все сходились в одном: невозможно установить, велась ли эта война преимущественно из-за религии или власти, потому что оба аспекта переплелись и подхлестывали друг друга. Поэтому нельзя классифицировать отдельные компоненты как «важные» и «менее важные». Эта война состояла из многих войн, различных типов боевых действий, несовпадающих мотивов, что в совокупности и определяло ее сложную динамику.

Именно слияние разных типов войн и поначалу географически разрозненных кампаний делает Тридцатилетнюю войну почти парадигмальной для некоторых больших военных конфликтов нашего времени – и дает повод опасаться, что войны будущего будут ближе к этому примеру, нежели к вооруженным конфликтам, случившимся между 1648 г. и XX веком. Поэтому сегодня так полезно анализировать Тридцатилетнюю войну.

Дело не в отдельных аспектах войны и даже не в ее начале, ставшем следствием плохо скоординированных действий дворянского восстания в Праге. Они были структурными признаками, которые сделали ее наглядным пособием для настоящих и будущих войн: смешение религиозно-конфессиональных конфликтов с битвами за господство, синхронное протекание «больших», перманентных кампаний и мелких местных усобиц, ударяющих по мирному населению, а также взаимосвязь социально-революционных элементов и столкновения государств, в ходе которых речь шла о об изменении границ и территориальных аннексиях. Тридцатилетняя война была очень похожа на ту, которая на рубеже XXI века разворачивается в Африке к югу от Сахары в районе Великих озер, или которая свирепствует в районе между Сирией и Йеменом, между Месопотамией и Ливией.

Тот факт, что разные мотивы и причины конфликта соединяются со всеми возможными формами борьбы, заставляет эти войны длиться так долго и делает их окончание столь сложным. В свою очередь, длительность приводит к чудовищному опустошению целых регионов, а число жертв доходит до уровня демографической катастрофы. Непомерно высокий уровень смертности от таких войн возникает не на полях сражений, не в противостоянии войск и даже не от применения оружия, а от голода и последующих волн эпидемий. В результате Тридцатилетней войны на территории Священной Римской империи германская нация сократилась примерно на четверть, исчезли целые деревни, и процветавшие прежде города пришли в упадок. Территории, охваченные подобными бедами, отбрасываются в развитии на десятилетия, и не только в экономическом и демографическом отношении, но и в плане культуры и научно-технического прогресса. Войны, аналогичные Тридцатилетней, приводят к задержкам в развитии, которые трудно наверстать десятилетиями.

По этой причине Тридцатилетняя война стала немецкой травмой. С одной стороны, она вызвала безутешную скорбь и породила настроения тщетности бытия в барочной литературе. С другой стороны, привела к затаенной обиде и глубочайшей враждебности в отношении тех, кого посчитали виновными в катастрофе. Неустойчивая предпосылка для установления долговечного ми-

ропорядка. Мюнстерский и Оснабрюкский мир, заключенный после более чем четырех лет переговоров, такого порядка не создал. Хотя в преамбулах и сопутствующих декларациях говорится о прочном мире, баталии продолжались. Сразу же возобновилась война между Францией и Испанией (конечно, уже не на немецкой земле), а вскоре сражения вспыхнули между Швецией, Польшей и Россией в Восточной части Центральной Европы. Война испанцев, венецианцев и их союзников против Османской империи, приостановившаяся во время Тридцатилетней войны, разгорелась с новой силой. Мир на юго-восточной границе в первую очередь позволил императору в Вене задействовать все ресурсы в пределах империи. Если бы турки теснили его на Балканах, как они делали это в прошлые десятилетия, он не смог бы проводить внутренние операции. Бывает, что мир на одном направлении провоцирует войну на другом.

Однако продолжительность и интенсивность Тридцатилетней войны обусловлена тем, что в ней по сути сконцентрировались все конфликты, существовавшие на тот момент в Европе, и они переместились на территорию рейха. Как только эта война была окончена, вновь вспыхнули окраины континента.

Во многих отношениях возобновление боевых действий за пределами государства было, конечно, удачей для опустошенной Германии, так как десятки тысяч наемников, которые не знали ничего кроме насилия, покинули страну. Останься они в Германии, внутреннее умиротворение оказалось бы еще более мучительным. По крайней мере через два года после заключения мира в 1648 г. многие по-прежнему сомневались, что перемирие сохранится, потому что не могли вообразить, каким образом удастся расформировать армии, вознаградить солдат и интегрировать их в мирную жизнь. Только в день проведения Нюрнбергского конгресса в 1650 г. возобладала уверенность в том, что мир установился.

Все это поучительно для понимания сложности мирного урегулирования на территориях, где сегодня бушует новая «Тридцатилетняя война». В отличие от классического межгосударственного конфликта, задача здесь не ограничивается просто прекращением боевых действий. Скорее, необходимо разработать и пошагово реализовывать долгосрочный план восстановления мирного поряд-

ка. Интегрирование воинов в этот порядок – обязательное условие для его стабильности. Вот почему путь к выходу из таких войн настолько долгий и тернистый: вследствие этого заключение мира станет процессом, растянувшимся на многие годы, который будет очень хрупким и может легко сорваться в новое противостояние.

Если посмотреть на результаты Вестфальского мира 1648 г. с точки зрения здравого смысла политической теории, то в основном они состоят из трех пунктов:

- незамедлительное перемирие, которое обеспечили бесчисленные гонцы, поспешившие разнести весть о нем по всей стране;
- стабильное прекращение конфессиональных конфликтов путем предоставления реформаторам гарантий свободы вероисповедания и приостановления действия правила большинства голосов для принятия решений в Рейхстаге по религиозно-конфессиональным вопросам, зафиксированного конституционно;
- заключенный мир регулировал будущие войны таким образом, чтобы больше не могло случиться смешения разных их типов. Межгосударственные и гражданские войны были четко разделены. Политическое требование Вестфальского порядка гласило, что межгосударственные войны допустимы, но гражданские необходимо предотвращать при любых обстоятельствах. Более того, «малая война», которая стала тактическим инструментом «большой войны» (регулярные войска – особенно во второй половине Тридцатилетней войны – действовали как наемники-мародеры, что привело к разрушительным последствиям для сельского населения), не должна выходить из-под контроля. За «малой войной» впоследствии закрепилось испанское название *Guerilla*, которое стало общеупотребительным.

Предпосылкой всему этому была строгая национализация военного противостояния. Это означало, что в случае конфликта формирование постоянных армий происходит путем призыва на военную службу мирного населения. Времена военных предпринимателей, тех, кого именовали кондотьерами, а сегодня называют

«военными баронами», подошли к концу. Эрнст фон Мансфельд, Альбрехт фон Валленштейн и Бернхард из Саксен-Веймара были последними в своем роде: они организовывали военную рабочую силу, чтобы предоставлять ее властителям за соответствующее вознаграждение. Эта форма военного дела в основном и способствовала интенсификации насилия и продлению боевых действий, поскольку наемники не знали, где территория, которую им нужно защищать, и считали всех фермеров и горожан потенциальными жертвами, из которых следует выжимать средства для продолжения войны. Те, кто привязан к войне как к бизнес-модели, не были заинтересованы в прочном мире. В постоянных армиях ситуация была другой, жалованье выплачивалось и в мирное время.

Вестфальский мирный порядок, построенный по окончании Тридцатилетней войны, становился в последующие десятилетия все более стабильным. Но это был не порядок мира, а одно из правил ведения войны. Он снова сделал войну инструментом политики, что позволяло использовать ее в качестве альтернативы дипломатии. В войне политика меняет перо на меч, написал когда-то прусский генерал и военный теоретик Карл фон Клаузевиц. Такая аллегория использовалась в начале Тридцатилетней войны, но со временем военную силу стали изображать в памфлетах и стихах как чудовище, разрушающее и уничтожающее все на своем пути. Сорвавшийся с цепи хищник больше не подчинялся политической узде, он рассвирепел и творил все, что хотел. Беллону, мифическое воплощение дикого и неукротимого духа войны, пришлось усмирять политическими и юридическими средствами, чтобы военная сила снова служила интересам политики. В современных торжествах, посвященных заключению Вестфальского мира, об этом, как правило, забывают. Кстати, такая возможность была доступна только потому, что война и мир были четко разделены между собой как разные агрегатные состояния, в которых может находиться государство.

Неконтролируемые войны типа Тридцатилетней не знают точного разделения этих состояний. Фактически многочисленные игроки выводили армии на поля сражений, никогда открыто не объявляя о войне. Так было не только в случае с кондотьерами, это относилось и к конфликтам между государствами, как Франция

при Ришелье или Швеция во времена Оксеншерна. И так как война внутри империй была оправдана либо как подавление мятежа, либо как законное сопротивление тираническому правлению, не существовало оснований для формальных объяснений. А заключение мира должно было принимать форму наказания или помилования агрессора, которое исходило от императора. В результате ни один из договоров не привел к долговечному миру, речь шла только о промежуточных фазах относительного спокойствия до следующего возобновления боевых действий. Изменения принес только Вестфальский порядок, который отделил войну от мира и превратил ее в кровавый конфликт, который государства ведут между собой посредством регулярных армий.

~~~~~  
Война и мир были четко разделены между собой как разные агрегатные состояния.  
~~~~~

Эра Вестфальского миропорядка миновала. Но не оправдалась надежда, связанная с ее окончанием: война, мол, исчезнет, так как больше не является инструментом политики, допустимым согласно международному праву. Войны, которые мы наблюдаем сегодня в Сирии, Йемене или Ливии, во многом выглядят возвращением к Тридцатилетней войне.

Сходства начинаются с появления «военных баронов» и варьируются от различных форм массового насилия и зверств до огромных потоков беженцев. Из-за своего религиозно-конфессионального компонента Тридцатилетняя война стала причиной движения переселенцев в масштабах, невообразимых и по сей день. По оценкам, после подавления восстания в Богемии и начала принудительного обращения в католичество страну покинула десятая часть населения. Если прежние войны сопровождалась изгнанием элит проигравшего государства, теперь это привело к массовой миграции, в которой богемские беженцы были только началом. Катастрофические экономические последствия войны в некоторых частях империи также обусловила массовая миграция: она дезорганизовала распределение населения. В то время как в некоторых областях было безлюдно, в других теснились толпы, лишенные пропитания. Это также способствовало возникновению голода и распространению эпидемий.

Одно из структурных сходств между нынешними войнами на Ближнем Востоке и Тридцатилетней состоит в том, что конфликты, поначалу распределенные по разным территориям, сливаются в единую войну. Между 1618 и 1648 гг. восстание в Богемии переплелось с войной за независимость Нидерландов против Испании. Соперничество за гегемонию в Балтийском регионе стало еще одним звеном цепи в борьбе дома Габсбургов за императорскую корону. Конфликт между правящими в Гейдельберге и в Мюнхене Виттельсбахами по поводу избрания своего ставленника курфюрстом соединился с проектом по отходу от католицизма, который вновь ощутил уверенность в своих силах и захотел восстановить верховную власть над секуляризированным к тому времени имуществом церкви.

Переплетением всех этих конфликтов объясняется длительность противостояния. Оно стало самовоспроизводящимся, даже если первоначальные мотивы были исчерпаны. То же самое можно сказать о многих военных конфликтах нашего времени.

Чем поучительна Тридцатилетняя война в контексте современных междоусобиц в Сирии, Йемене и Ливии, где религиозно-конфессиональные конфликты также сочетаются с гегемонистскими устремлениями, а всплеск повстанческого движения накладывается на межгосударственное соперничество? Нужно настроиться на то, что они должны быть решены не просто мирными соглашениями, а сложными процессами мирного урегулирования. И нужно сделать все возможное, чтобы они не превратились в единый военный конфликт, который подожжет весь Ближний Восток. Однако это тем вероятнее, чем дольше длятся эти войны. Если не удастся их локализовать и быстро закончить, региону угрожает судьба, постигшая Европу в XVII веке.

Перевела с немецкого Евгения Прокопчук, аналитик Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ Сергей Александрович (председатель)	д. и. н., почетный председатель президиума Совета по внешней оборонной политике, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
АВДЕЕВ Александр Алексеевич	Чрезвычайный и Полномочный посол РФ
АРБАТОВ Алексей Георгиевич	академик РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
АХТИСААРИ Мартти	президент Финляндии в 1994–2000 гг., лауреат Нобелевской премии мира
БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (заместитель председателя)	д. и. н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. Ломоносова
БЕРГСТЕН Фред	доктор экономики, почетный директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
БИЛЬДТ Карл	премьер-министр (1991–1994), министр иностранных дел Швеции (2006–2014)
ГРИГОРЬЕВ Владимир Викторович (в личном качестве)	заместитель руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
ЗВЕРЕВ Сергей Александрович	президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
ИВАНОВ Игорь Сергеевич	д. и. н., профессор МГИМО (У) МИД России, президент Российского Совета по международным делам
КАЙЗЕР Карл	профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
КОЖОКИН Михаил Михайлович	к. и. н., заместитель президента – председателя правления ВТБ 24
КОКОШИН Андрей Афанасьевич	академик РАН, директор Института проблем международной безопасности РАН
КОМИССАР Михаил Витальевич	генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
КОСАЧЕВ Константин Иосифович (в личном качестве)	председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам
КРАСТЕВ Иван	председатель Центра либеральных стратегий (София), ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований (Вена)
КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	к. э. н., ректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, президент Паралимпийского комитета России, чрезвычайный и Полномочный посол РФ, член Совета Федерации Федерального собрания РФ
ЛУКЪЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, профессор-исследователь факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», председатель правления фонда «Русский мир», председатель Комитета Государственной думы по образованию
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации
РАДД Кевин	премьер-министр Австралии в 2007–2010 и в 2013 годах
РОУЗ Гидеон	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., профессор НИУ ВШЭ
СЛУЦКИЙ Леонид Эдуардович	председатель Комитета по международным делам Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации
СЮН Гуанкай	генерал, профессор университета Циньхуа и Пекинского университета
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
УШАКОВ Юрий Викторович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент